

отношений и переход от старых производственных отношений к новым¹ происходят „обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых“¹.

Н. В. Птулевская

„ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО“ СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Обзор сборника *Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization, edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss, Oxford, At the Clarendon Press, 1948.*

В зарубежной исторической литературе можно наблюдать резко возрастающий с конца XIX в. интерес к проблемам византиноведения. При этом установившиеся в современном буржуазном византиноведении воззрения коренным образом отличаются от старых взглядов Гиббона в том отношении, что византийское государство уже не подвергается осуждению с позиций либерального антиклерикализма, но наоборот — всячески идеализируется. Так, например, французский историк Л. Брейе в самом начале своей книги „Жизнь и гибель Византии“ прежде всего подчеркивает огромное значение этого государства, состоящее, по его мнению, в том, что оно спасло античную цивилизацию и защитило Европу от варварских вторжений с востока².

Этот интерес к истории Византийской империи и ее идеализация объясняются рядом причин социально-политического порядка. В советской историографии давно уже было отмечено, что интерес к проблемам византиноведения в буржуазной исторической науке теснейшим образом связан с нарастанием реакционности буржуазной историографии эпохи империализма, в связи с чем Византия стала привлекать внимание идеологов господствующего класса как сильное централизованное государство, располагавшее значительными возможностями для подавления сопротивления трудящихся масс³. Повышение интереса к истории Византии в буржуазной медиэвистике происходило параллельно тому, как в историографии античности внимание историков переключалось с Афинской демократической республики на эпоху эл-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, II изд., стр. 561.

² L. Bréhier. Vie et mort de Byzance, Paris, 1947, p. 1. Критический разбор воззрений Л. Брейе см. у Э. В. Удальцовой, „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 337 и сл.

³ Э. В. Удальцова. Рецензия на книгу Л. Брейе, „Византийский временник“, т. II, 1949; М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, VI, 1949; А. П. К а ж д а н. Рецензия на работу Д. Ангелова. „Византийский временник“, т. III, 1950.

Начало идеализации византийского политического строя было положено французским публицистом А. Пайаром в книге, вышедшей в свет вскоре после Парижской коммуны. Пайар подчеркивал неизменность тех политических принципов, на которых строилась византийская государственность и которые он видел в сочетании монархического принципа с „суверенностью народа (!), выразившейся в голосовании или одобрении“ (A. Paillard. Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople, Paris, 1875, p. 331 ss.). Политический смысл концепции А. Пайара — идеализацию режима Наполеона III — правильно вскрыл еще русский историк П. В. Безобразов в рецензии на книгу В. М. Грибовского „Народ и власть в Византийском государстве“, ЖМНП, ч. 319, 1898, стр. 425.

линизма и на Позднюю Римскую империю. Обе эти тенденции в буржуазной историографии знаменовали собою усиление ее реакционности.

К этому обстоятельству следует добавить некоторые дополнительные моменты. Византийское государство рассматривается в современной буржуазной историографии, следующей в основном концепции Дм. Бьюри, как государство, продолжившее традиции Римской империи, как государство, правители которого сумели преодолеть кризис, охвативший империю в III в. (исключение составляет концепция А. Тойнби, видящего в византийском „абсолютизме“ результат политических событий VII—VIII вв., христианскую реакцию на арабские вторжения). Всячески подчеркивая сохранение в Византии старых порядков, старой экономики и старых общественных отношений, римского права и античных традиций, буржуазная историография старается представить исторический процесс протекающим без катаклизмов и революций, путем медленного и постепенного развития отдельных общественных институтов.

Немалую роль в усилении интереса буржуазных историков к проблемам византиноведения сыграло, по откровенному и циничному признанию А. Грегуара, пристальное внимание правительств капиталистических стран и в первую очередь — США к проливам, которые А. Грегуар призывает „защищать“ от новой опасности с востока¹. Иначе говоря, интерес к истории Византии стимулируется в настоящее время потребностями американской агрессии.

Наконец, в самое последнее время американские историки стали очень решительно выступать против той концепции, которая в течение длительного времени служила краеугольным камнем всех построений их западноевропейских коллег в области истории средневековья — здесь имеется в виду теория европоцентризма, т. е. представление о том, что Западная Европа всегда была центром исторического развития. Особенно резкой критике европоцентризм подвергся в недавно вышедшей работе американского профессора Дж. Ла Монта „Средневековый мир“, автор которой утверждает, что средневековая история, подобно античной, имела свой центр „не в западной Европе, но в бассейне Средиземного моря“. По мнению Ла Монта, последовательно проведенному в его книге, до середины XI в. Римская империя с ее столицей Константинополем оставалась главнейшим государством Европы, оказывавшим определяющее влияние на судьбы Западной и Восточной Европы. Историю средних веков в соответствии с этими соображениями он считает периодом „трансмутации“ римской цивилизации и ее упадка и определяет хронологические рамки средневековья временем от основания Константинополя до его падения в 1453 г.²

Теория, развиваемая Ла Монтом, преследует две цели: во-первых, автор ее стремится показать, что никакого падения Римской империи не было, что империя в качестве решающего исторического фактора продолжала существовать на протяжении всего средневековья — тем самым он отрицает революционный характер перехода от античности к средним векам; во-вторых, Ла Монт стремится подчеркнуть, что история Западной Европы того времени является второстепенным участком истории, а сами западноевропейские государства были тогда отсталой и далекой периферией. Эта теория Ла Монта,

¹ H. Grégoire. „Byzantion“, t. XVI, 1944, p. 545. См. об этом М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 245.

² J. L. La Monte. The World of the Middle Ages, New York, 1949, p. 3 f.

несомненно, порождена не столько изучением фактического материала, сколько современной политической ситуацией, когда западноевропейские государства отнесены на задний план.

Для возросшего интереса к истории Византии чрезвычайно характерным является выпуск специального сборника „Византия“ (Оксфорд, 1948), представляющего, по замыслу его авторов, введение в историю восточно-римской цивилизации. Редакторами этого сборника были Норман Бэйنز и Г. Ст. Мосс, которые привлекли к участию в нем виднейших буржуазных византинистов.

Сборник „Византия“ состоит из следующих разделов:

1. Обширное введение, написанное Н. Бэйнзом (стр. XV—XXXI).
2. „Очерк истории Византийской империи“, распадающийся на два раздела. Первый из них, охватывающий время от основания Константинополя до четвертого крестового похода (стр. 1—32), написан Г. Ст. Моссом, второй (стр. 33—50), посвященный истории конца империи, — Ш. Дилем.
3. „Экономическая жизнь Византийской империи: население, сельское хозяйство, промышленность, торговля“ (стр. 51—70) (А. Андреадис).
4. „Общественные финансы: монетная система, общественные расходы, бюджет, общественные доходы“ (стр. 71—85) (А. Андреадис).
5. „Византийская церковь“ (стр. 86—135) (А. Грегуар).
6. „Византийское монашество“ (стр. 136—165) (И. Делеэй).
7. „Византийское искусство“ (стр. 166—199) (Ш. Диль).
8. „Византийское просвещение“ (стр. 200—220) (Дж. Бэклер).
9. „Византийская литература“ (стр. 221—251) (Ф. Маршалл).
10. „Греческий язык византийского периода“ (стр. 252—267) (Р. Докинс).
11. „Император и имперская администрация“ (стр. 268—307) (В. Энслин).
12. „Византия и ислам“ (стр. 308—325) (А. Васильев).
13. „Византийское наследие в юго-восточной Европе“ (стр. 326—337) (У. Миллер).
14. „Византия и славяне“ (стр. 338—368) (С. Рэнсимен).
15. „Византийское наследие в России“ (стр. 369—391) (барон Мейендорф и Н. Бэйنز).

К сборнику приложена обширная библиография работ по византиноведению на западноевропейских языках, игнорирующая, однако, русские, болгарские, греческие исследования и, в частности, труды советских византинистов. К книге приложено также большое количество фотографий с памятников византийского искусства.

Авторы сборника выступают с определенной, отчетливо выраженной концепцией. Они рассматривают Византийскую империю как средоточие стабильности среди бурлящего водоворота трех континентов (Мосс, стр. 19). Историческую роль Византии они видят в сохранении античной цивилизации и распространении ее среди варварских народов (Рэнсимен, стр. 338).

Особенно подробно эти воззрения развиты Н. Бэйнзом во введении к сборнику. Н. Бэйنز исходит из того, что Римская империя не погибла, но лишь трансформировалась, превратившись в Византийскую. Это превращение заключалось в создании империи с христианской столицей в качестве ее центра, опирающейся в то же время на эллинистические традиции (стр. XVII—XVIII).

Подобная точка зрения не отличается новизной: она высказывалась в общем виде в ряде работ современных буржуазных византинистов

(А. Гейзенберг, Г. Острогорский и др.)¹. Однако Н. Бэйнз стремится конкретизировать это положение, и его аргументация как нельзя лучше показывает беспомощность этой идеалистической концепции. По мнению Н. Бэйнза, Византийская империя явилась созданием Константина и других императоров — „сверхчеловеков“ (supermen) IV в. При этом он приписывает колоссальную роль в деятельности Константина легендарному „видению“, якобы явившемуся ему накануне битвы у Мульвийского моста². Это видение, по мнению Н. Бэйнза, показало Константину „величие христианского бога“ и открыло ему „величественную картину будущего“, которое императоры были в силах создать, коль скоро они были бы воодушевлены христианством и великими традициями прошлого (стр. XVIII—XIX). Твердая уверенность византийских императоров в том, что они являются правителями „божией милостью“, и сознание ими христианского долга позволили им, по словам Н. Бэйнза, спасти империю в трудных условиях кризиса и сохранить ее на протяжении тысячелетия (стр. XXI).

Развивая ту же идеалистическую и, более того, — чисто клерикальную точку зрения, А. Грегуар утверждает, что религиозный мистицизм христианства поддержал политические учреждения в условиях тяжелого экономического и социального кризиса III—IV вв. и содействовал перестройке их по восточному образцу (стр. 89). В соответствии с этим и А. Грегуар определяет Византию как Римскую империю в ее христианской форме (стр. 86).

Если Н. Бэйнз и А. Грегуар выдвигают на первый план влияние религии и рассматривают Византийскую империю как христианизированную Римскую, то взгляды Г. Ст. Мосс отличаются, мы бы сказали, некоторой стыдливостью: он еще не решился полностью принять эту открыто реакционную точку зрения. Г. Ст. Мосс пытается подчеркнуть, что история Византии лишь формально может рассматриваться как история поздней Римской империи: „ромей“ конца Византии, по его мнению, не сохранили от своих римских предков ничего, кроме имени (стр. 1). Однако и Г. Ст. Мосс весьма далек от материалистического объяснения исторических явлений. Он, правда, называет переход империи на новые пути „революцией“ (стр. 3), но эту „революцию“ видит в двух мероприятиях Константина: в основании Константинополя и признании христианства. Следует вообще отметить, что Г. Ст. Мосс пользуется термином „революция“ крайне широко (стр. 9, 13, 15 и т. д.), называя „революцией“ всякий дворцовый переворот и, по существу, лишая таким образом этот термин присущего ему вполне определенного значения. Наряду с этой „революцией“ Г. Ст. Мосс выдвигает еще ряд причин, которые, по его мнению, в условиях кризиса IV—V вв. обеспечили сохранение Византии. При этом на первое место Г. Ст. Мосс ставит чисто политические причины: он полагает, что нашествие германцев и гуннов задело лишь часть Византийской империи; они явились для нее хотя и опасными, но все же не роковыми врагами.

¹ A. Heisenberg. Staat u. Gesellschaft des byzantinischen Reiches. „Kultur der Gegenwart“, 2 Aufl., Leipzig, 1923, S. 364; Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. „Seminarium Kondakovianum“, IV, 1931, стр. 122.

² Признание реальности „видения“ Константина накануне битвы у Мульвийского моста, приписывание этому „видению“ огромной исторической роли, роли толчка, „преобразовавшего мир“, характерно для ряда работ современных буржуазных авторов. См. об этом — А. П. К а ж д а н. Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе. „Вестник Древней истории“ (ВДИ) 1950, № 1, стр. 171.

Что же касается восточных границ Византии, то им не угрожала большая опасность, ибо Персия в это время сама находилась под угрозой вторжения гуннов (стр. 5—6). Далее, Г. Ст. Мосс подчеркивает, что еще более разительным был контраст между Западом и Востоком в экономической области: восточные области превосходили Запад в экономическом отношении.

На первый взгляд может показаться, что Г. Ст. Мосс интересуется экономическими проблемами и пытается объяснить историческое развитие экономическими причинами, однако на самом деле это не так. Дело в том, что, подчеркнув экономическое различие между Западом и Востоком и экономическое преобладание Востока, Г. Ст. Мосс далее объясняет экономический упадок Запада не внутренним развитием западных областей, но... варварскими вторжениями: варварские вторжения, по его словам, разрушили западные города, уничтожили провинциальное управление, а вандалский флот положил предел морской торговле в западном Средиземноморье (стр. 6). Следовательно, Г. Ст. Мосс сводит различие судеб Востока и Запада в конечном счете к случайностям политической истории, к направлению варварских вторжений; самое экономическое развитие у него определяется политическими факторами.

Не говоря уже о методологической порочности этой идеалистической концепции, в самой аргументации Мосса имеются существенные погрешности. Пытаясь объяснить сохранение Восточной Римской империи в IV—V вв. направленностью варварских вторжений на Запад, он упускает из виду такие общеизвестные факты, как то, что варвары прежде всего обрушились на восточную половину Римской империи и что Константинополь раньше, чем Рим, увидел у своих стен войска вестготов. На самом деле, как показали советские историки, сохранение византийского рабовладельческого государства в IV—V вв. было обусловлено социально-экономическими причинами, в частности, экономической мощью восточных провинций империи и несколько меньшим развитием здесь рабовладельческого строя. Эти причины сделали кризис IV—V вв. на Востоке менее острым и позволили Византии уцелеть, а в VI в. даже стать оплотом рабовладельческой реакции¹.

Итак, общие воззрения авторов сборника „Византия“ на историю Византийской империи сводятся к следующему: Римская империя не погибла, но была лишь перенесена в новый центр, в Константинополь. Под влиянием мудрой политики императоров VI в. она была преобразована в христианскую империю, а христианский мистицизм содействовал ее укреплению. Эта концепция носит откровенно идеалистический, клерикальный характер; она сводит историю человеческого общества к эволюции идей и прежде всего религиозных представлений, а также к деятельности „сверхчеловеков“. Робкие попытки Мосса выяснить экономические и политические особенности исторического развития Византийской империи еще резче подчеркивают беспомощность современной буржуазной исторической науки: экономикой он сводит к политике, а политику представляет как нагромождение случайностей, ибо сохранение Византии он объясняет направлением варварских вторжений. Да и новые пути империи, в конце концов, по мнению Мосса, были определены религиозными мероприятиями Константина.

Идеализация Византии составляет важнейшую особенность всех статей сборника. Трактую Византию как единственное средневековое

¹ См. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 8 и сл.

европейское государство в полном смысле этого слова, А. Андреадис рисует совершенно искаженную картину византийской экономики. Он преувеличивает численность городского населения, насчитывая несколько миллионов городских жителей (стр. 53), изображает византийское земледелие в цветущем состоянии (стр. 60), утверждая вопреки ясным данным источников, что голодовки здесь в отличие от Западной Европы не имели якобы серьезного значения (стр. 53). Несомненной модернизацией проникнуты его представления о наличии в Византии широко развитой торговли и огромного торгового флота (стр. 64). Следует вспомнить, что даже некоторые буржуазные историки подчеркивали то обстоятельство, что сами византийцы сравнительно мало занимались торговыми операциями, хотя Константинополь и был центром, в который съезжались арабские, болгарские, венецианские и русские купцы¹. Характерно, что западноевропейских наблюдателей поражало в Константинополе прежде всего большое количество рыболовных судов². Об известной слабости и неразвитости византийской торговли свидетельствует существование здесь вплоть до XII в. берегового права³.

Советские ученые убедительно показали, что невозможно говорить о принципиальной разнице между экономикой деревни средневековой Западной Европы и экономикой византийской деревни, получившей яркое отражение в „Земледельческом законе“⁴. Кроме того, не следует забывать, что Византия была огромной страной, различные районы которой отличались друг от друга по своим природным условиям и хозяйственным занятиям жителей; в некоторых из них, чрезвычайно отсталых, продолжало сохраняться кочевое скотоводство. В Византии повсеместно сохранялись примитивные формы сельскохозяйственной техники (ручная мельница, полукочевое земледелие, примитивный легкий плуг без колес). В тесной связи с этим стоит и плохое питание византийского крестьянства (ячменный хлеб, печеный в золе)⁵, и очень частые голодовки, и неумение бороться с засухой или саранчой. Учитывая все эти факты, которыми пренебрегает А. Андреадис, мы не можем согласиться с его изображением византийской экономики, якобы носившей цветущий характер.

Подчеркивая процветание византийской экономики V—XII вв., А. Андреадис ставит вопрос о его причинах. Прежде всего он утверждает, что этим обстоятельством Византия обязана своему населению, ибо жители империи были „добрыми отцами семей, проникшимися деловым духом и любящими ремесло и торговлю“ (стр. 68). Второй причиной он считает то обстоятельство, что государство принимало решительные меры против уменьшения народонаселения, защищало

¹ W. Heyd. *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, v. 1—2, Leipzig, 1885—1886 (перепечатано Paris, 1936); Ch. Macri. *L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance*, Paris, 1925 (ср. также рецензию F. L. Ganshof. „Byzantion“, IV, 1927—1928, p. 659); E. Sabelle. *L'importation des tissus orientaux en Europe occidentale au haut moyen âge*. „Revue belge de philologie et d'histoire“ XIV, 1935, p. 1281. В недавно вышедшей статье L. Brehier (La marine de Byzance, „Byzantion“, XIX, 1949, p. 1) явно преувеличивает значение византийского „господства на море“.

² Guntheri Parisiensis *Historia Constantinopolitana*, VIII, ed. P. Riant, „Euxivae sacrae Constantinopolitanae“, Genevae, 1877, p. 78.

³ Nic. Chop., p. 423. 11.

⁴ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945; М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Ученые записки Свердл. гос. пед. ин-та“, IV, 1948.

⁵ Gregoras, I, 379, 7.

мелких собственников и покровительствовало развитию промышленности и торговли. „Непрерывный рост богатства, — фарисейски утверждает А. Андреадис, — был обусловлен совместными действиями правительства и народа“ (стр. 68). К этому он еще присоединяет выгодное географическое положение империи (стр. 72 и др.).

Таким образом можно видеть, что А. Андреадис сводит причины постулируемого им без достаточных оснований экономического процветания Византийской империи почти целиком к деятельности правительства, выступающего в его изображении отнюдь не в качестве защитника интересов господствующего класса, но якобы действующего совместно со всем народом. Политический смысл концепции А. Андреадиса заключается, следовательно, в прославлении классового мира и сотрудничества классов. Эта политическая подоплека концепции А. Андреадиса еще более отчетливо выступает там, где он трактует проблемы социальной истории Византии.

Социальную историю Византийской империи А. Андреадис разбивает на три этапа. Первый этап характеризуется концентрацией земельной собственности (стр. 55). Второй этап (начиная с VIII в.) — это время распространения мелкой поземельной собственности. Характеризуя этот период, А. Андреадис стремится подчеркнуть два обстоятельства, выдвинутые современным буржуазным византиноведением в протизовес теориям русских византистов конца XIX в.: во-первых, он утверждает, что распространение мелкой поземельной собственности не означало уничтожения крупного землевладения, — происходило лишь уменьшение числа поместий, т. е. что эти изменения не носили качественного характера, но были лишь изменениями чисто количественными; во-вторых, он решительно, протестует против какой бы то ни было связи этого процесса с расселением славян на территории Византийской империи.

Уменьшение же числа крупных поместий обусловлено, по мнению А. Андреадиса, двоякого рода факторами: вторжениями варваров и жестокими действиями администрации при Фоке и Юстиниане II (стр. 56—57).

Это утверждение Андреадиса показательно во многих отношениях. Прежде всего, стремясь вычеркнуть славян из истории Византии, он все же оказывается вынужденным признать их роль, ибо, спрашивается, кто такие были те „варвары“, которые вторглись в империю, как не славяне? Советский ученый А. П. Дьяконов очень хорошо показал на материале сирийских источников, что вторжения славян еще в VI в. приводили к разделу крупных поместий и улучшению положения византийского крестьянства¹; еще более серьезный удар крупной рабовладельческой собственности был нанесен славянскими вторжениями VII в. Разумеется, Византии приходилось переживать не одни только нашествия славянских народов: в VII в. восточные провинции подверглись нашествию арабов².

Далее, подобно Н. Бэйнзу, А. Андреадис старается „объяснить“ историческое развитие Византии деятельностью императоров. Он и не думает о том, чтобы выяснить, интересы каких группировок отражали Фока и Юстиниан II, проводя конфискацию земель у крупных собственников — эти императоры выступают в его изображении как лица, совершенно независимые от каких бы то ни было классовых

¹ А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских писателей о славянах. ВДИ, 1946, № 1.

² См. Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. „Вестник ЛГУ“, 1948, № 4.

интересов. В связи с этим картина, нарисованная А. Андреадисом, оказывается лишенной самого главного — характеристики тех внутренних сил, борьба которых лежала в основе исторического развития Византии, носила революционный характер и была направлена против крупной рабовладельческой собственности. Да это и не удивительно, ибо буржуазные историки стараются не замечать подлинно революционные движения народных масс, предпочитая именовать „революцией“ основание Константинополя или признание христианства религией, равноправной с язычеством.

Советская историческая наука рассматривает период VI—VIII вв. как время коренной ломки общественных отношений в Византийской империи. Эта коренная ломка происходила как в результате революционного движения народных масс, так и в результате вторжений славян, арабов и других народов на территорию Византии. Однако плоды победы народных масс были присвоены новой феодальной знатью.

Третий этап в социальной истории Византии характеризуется А. Андреадисом как „возвращение (разрядка наша. — А. К.) к системе крупных поместий“, начало которого он относит к IX—X вв. Самая трактовка процессов IX—X вв., как возвращения к старому, находится в теснейшей связи с представлением о Византийской империи как о прямом продолжении Римского государства: А. Андреадис вынужден лишь — в отличие от совершенно антиисторической концепции Н. Бэйнза — допустить некоторый перерыв, связанный с временным распространением мелкой собственности, обусловленный, по его мнению, варварскими набегами и политикой „дурных“ императоров. Однако от существа концепции Н. Бэйнза А. Андреадис не отказывается. Коренной ошибкой А. Андреадиса в трактовке этого вопроса является игнорирование им того обстоятельства, что крупная собственность, которая складывается в IX—X вв., не является старой рабовладельческой собственностью, что она основана уже на новых принципах, что в поместьях IX—X вв. появляется и все более укрепляется новая форма эксплуатации непосредственных производителей — феодальный способ производства. Поэтому говорить о возвращении к системе крупных поместий не приходится — поместья IX—X вв. носили иной, феодальный характер.

А. Андреадис пренебрег самой основной и самой трудной проблемой в истории византийских социальных отношений — проблемой становления византийского феодализма. Эта проблема не находит себе места в работе буржуазного экономиста, который не в состоянии разобраться в специфике способов производства и форм собственности, который готов всякое крупное землевладение считать феодальным и в то же время всякую собственность — частной, ибо феодализм для него — лишь политическое и при том вневременное явление, а не социально-экономическая формация, не историческая категория.

Далее, А. Андреадис приступает к детальному рассмотрению причин роста крупного землевладения в Византии в IX—X вв.¹ Он начинает с утверждения, что рост цен при императоре Феофиле привел к образованию крупных капиталов в руках отдельных лиц; это были крупные земельные собственники, не исчезнувшие, согласно его теории, и в предыдущий период и использовавшие теперь рост цен на сельскохозяйственные продукты; „чиновники, которые находились

¹ Этот вопрос был уже предметом изучения Андреадиса в некоторых статьях. См., например, A. Andreadès. *Floraison et décadence de la petite propriété dans l'Empire byzantin*. „Melanges offerts à Ernest Mahaim“, Paris, 1935.

в фаворе или просто обладали эластичной совестью“; наконец, просто „частные лица“ (?). Это положение А. Андреадиса чрезвычайно путанно. Прежде всего, нельзя понять, кого собственно он разумеет под последней категорией „частных лиц“. Далее, остается совершенно непонятной связь между ростом цен при Феофиле и обогащением чиновников: византийские чиновники умели обогащаться независимо от того, возрастала стоимость денег или падала. Но самое главное состоит в том, что рост цен никак не может привести к образованию крупных капиталов — последние образуются, как указывал К. Маркс, лишь в результате экспроприации непосредственных производителей¹.

Но проследим дальнейший ход рассуждений А. Андреадиса. Образовавшиеся в результате роста цен крупные капиталы не могли быть применены в торговле, ремесле или использованы для ростовщических операций, так как государственный контроль препятствовал употреблению денежных средств на эти цели (стр. 57). Оставалась единственная область — сельское хозяйство.

И это рассуждение А. Андреадиса является порочным. Прежде всего, А. Андреадис противоречит сам себе. Он отказался от представления Ж. Николя и его современников о роли государственного контроля как силы, ограничивающей развитие торговли и ремесла; наоборот, он в духе Г. Миквица подчеркивает положительную роль государственного контроля и его плодотворное влияние на ремесло и торговлю (стр. 65 и сл.). Поэтому даже с точки зрения А. Андреадиса — государственный контроль не мог помешать обогащению торговцев — да и на самом деле он не мешал этому. Далее, рост цен на сельскохозяйственные продукты — если бы он действительно имел место — должен был в первую очередь улучшить положение крестьянина и содействовать росту цен на землю. К тому же реальные размеры денежных податей должны были бы сократиться. Но А. Андреадис в полном противоречии с собственной схемой говорит далее об ухудшении положения крестьянства, подавленного бременем податей (стр. 58).

Итак, можно видеть, что А. Андреадис крайне упрощает процессы, протекавшие в IX и X вв., изображая их как чисто экономические и пренебрегая прямым внеэкономическим насилием со стороны феодалов, захватывавших земли крестьянских общин и присваивавших общинные права. Да и самые экономические процессы освещены им совершенно неверно. Все эти пороки в концепции А. Андреадиса обусловлены в конечном счете тем, что в силу своей буржуазной ограниченности он не понимает феодального характера сложившейся в это время собственности, трактуя феодализм лишь как политическую категорию. Та собственность, с которой оперирует А. Андреадис, — эта единственно понятная для буржуазного экономиста и юриста собственность — частная собственность капиталистического общества, которую он возводит в абсолют, рассматривая как собственность вечную и присущую всем временам и народам. „Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы“, — писал В. И. Ленин².

В заключение А. Андреадис останавливается на рассмотрении причин экономического упадка Византии. При этом он высказывает одну любопытную мысль, отмечая, что византийские купцы и предприниматели, использовавшие старые методы торговли, не выдержали кон-

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 721.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

курении с их более молодыми итальянскими соперниками (стр. 69). Однако эта мысль о специфике торговли, введенная очень робко, повисает в воздухе, ибо А. Андреадис не раскрывает отличий в „старых“ и „новых“ методах византийских и итальянских купцов, не показывает конкретных особенностей византийской и итальянской торговли. Кроме того, взаимоотношения между византийцами и купцами Венеции и Генуи не могут быть сведены к простому экономическому соперничеству: борьба осложнялась тем, что многие византийские феодалы были связаны с генуэзскими и венецианскими купцами, которым они продавали хлеб (в XIII в.) и проникновению которых в Византию они поэтому покровительствовали — вопреки интересам византийского ремесла и торговли. Вследствие этого протекционизм сделался лозунгом нарождавшихся буржуазных элементов византийского общества, тогда как феодальные круги выступали, наоборот, за сближение с Западом.

Но и высказав эту любопытную мысль об экономическом превосходстве купцов Венеции и Генуи, А. Андреадис затем оставляет ее, стараясь объяснить экономический упадок империи чисто политическими причинами. Он утверждает, что „экономический упадок империи был прежде всего результатом действий внешних врагов“ (стр. 70); к этому он присоединяет еще то обстоятельство, что в середине XI в. византийские императоры потеряли возможность защищать мелких собственников — как будто они когда-либо их защищали! Внутренние причины экономического упадка („старые методы“) остаются совершенно невыясненными и отступают на второй план перед внешне-политическими неудачами.

Итак, А. Андреадис, следуя концепции, развитой Н. Бэйнзом, рассматривает византийское государство как продолжение Римской империи, допуская, правда, кратковременный перерыв в существовании последнего. В связи с этим он совершенно игнорирует вопрос о специфике византийской экономики и социальных отношений, вопрос о генезисе и особенностях византийского феодализма. Изменения, или точнее сказать, колебания в социальных отношениях империи — так как действительных изменений он не видит, — А. Андреадис объясняет чисто политическими причинами; сводя экономику к политике, он оказывается не в состоянии понять причин упадка Византии.

Уже во Введении к рассматриваемому сборнику огромное место уделено императору и императорской администрации. Из факта сохранения в Византии римских традиций Н. Бэйнз выводит фантастическое заключение о том, что правители Византийской империи сохраняли сознание долга, лежащего на них, и обязательств, которые они имеют по отношению к подданным. Их долгом, по его утверждению, являлось сохранение унаследованной ими цивилизации (стр. XVIII — XIX). В связи с этим Н. Бэйнз возражает против попыток изображать византийских императоров как разукрашенных кукол — по его мнению, именно император руководил судом, гражданской администрацией и военным делом (стр. XXII). Далее, Н. Бэйнз утверждает, что и византийская администрация при всех ее недостатках сыграла положительную роль и была — наряду с армией — той силой, которая обеспечивала долгое существование империи (стр. XXIV).

Идеализация византийской административной системы и императорской власти получила свое дальнейшее развитие у А. Андреадиса и В. Энслина. А. Андреадис считает, что византийская податная система обладала известными недостатками, но все же была терпимой и, главное, превосходила как римскую, так и средневековые финансовые

системы (стр. 83—84). С таким положением трудно согласиться. А. Андреадис обходит в своей работе такие факты, как жестокость податных сборщиков, — между тем конкретные картины их „деятельности“ ярко нарисованы кипрским архиепископом Николаем Музалом, Феофилактом Болгарским и Михаилом Акоминатом; он пренебрегает многочисленными известиями житий (Филарета Милостивого, Марии Новой и др.), изображающих податного сборщика как наиболее ненавистного представителя господствующего класса. Плифон справедливо видел в тяжести византийского податного обложения одно из наиболее серьезных зол современной ему действительности.

Та же совершенно не оправданная идеализация византийской администрации пронизывает и работу В. Энслина. По его словам, византийцы требовали от императоров „филантропии“, „любви ко всем“ (стр. 278). Вслед за Н. Бэйнзом В. Энслин подчеркивает, что византийская бюрократическая машина при всей ее дороговизне была той силой, которая спасла государство в период самых тяжелых кризисов (стр. 294). В. Энслин подчеркивает прекрасное обучение византийских чиновников (стр. 293) и рисует администрацию, как цепь, протянутую между императором и подданными (стр. 294). Впрочем, и ему приходится отмечать и бремя податей, и взяточничество, и некоторые иные пороки византийских чиновников.

Идеализация византийской императорской власти и администрации, изображение императоров и бюрократической машины в качестве сил, осознавших якобы свой „долг“ хранителей античной цивилизации, игнорирование классовых корней византийского государства, — все это глубоко порочные черты концепции современных буржуазных византистов. Эта идеализация теснейшим образом связана с политической программой империалистической буржуазии, которая пытается удержать „в узде“ трудящиеся массы с помощью открытой диктатуры: в связи с этим идеологи буржуазии превозносят государства с „твердым режимом“ и утверждают, что для спасения цивилизации в период кризисов необходимо создание мощной бюрократической машины и армии, — даже если их содержание тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся масс.

С идеализацией административного аппарата теснейшим образом связана и апология византийской церкви. Уже Н. Бэйнз во Введении трактует византийскую церковь как „народную“, способную вызвать энтузиазм масс; он видит в ней одну из тех сил, которые сохранили Византийскую империю и вместе с ней — античную цивилизацию (стр. XXV). Ту же „теорию“ развивает А. Грегуар. А. Грегуар выступает вслед за Г. Острогорским против старой теории цезарепапизма и старается показать, что византийская церковь была более свободной, нежели римская (стр. 123). Он идеализирует византийских церковных деятелей, например, Фотия и Николая Мистика (стр. 109—112). Особенно большое место в соответствии с тенденциями современного буржуазного византиноведения А. Грегуар уделяет мистицизму, развившемуся в Византии в форме исихазма. „Вместо того, чтобы издеваться над учением Паламы, — торжественно провозглашает А. Грегуар, — следуя сарказмам Варлаама, Вольтера и Гиббона, не лучше ли выразить удивление перед глубиной христианского чувства, которое воодушевляло византийский народ вплоть до самого конца“ (стр. 116). С такой трактовкой исихазма совпадают и утверждения Ш. Диль относительно связи между этим учением и движением зилотов: Ш. Диль даже называет исихазм „демократией в рясе“ (стр. 43).

Однако такая трактовка исихазма совершенно неправильна: на самом деле Палама являлся противником зилотов и ставленником Иоанна Кантакузина. Советские историки Б. Т. Горянов, В. Н. Лазарев и другие показали, что исихазм был глубоко реакционным учением, и прав Д. Ангелов, который утверждает, что проповедь исихастами молчания, смирения и терпения была наруку эксплуататорской верхушке, феодалам¹.

Идеализация церкви и реакционных идеологических движений при-суща и другим статьям сборника. И. Делеэй рисует картину трогательной заботы монахов о странниках и больных (стр. 154) и утверждает, что монахи были любимы народом (стр. 163)— хотя он не может не знать „Чудес св. бессребрянников“, где рассказывается о вражде крестьян к монахам и об угрозе крестьян сжечь монастырские амбары. Среди монастырских уставов также можно найти такие, которые рисуют отнюдь не идиллическую картину взаимоотношений между монахами и крестьянством: таков, например, устав богородичного монастыря близ Эна, где говорится о поджогах крестьянами монастырских зданий и об обязанности крестьян возмещать нанесенные монастырю убытки. Точно так же из актов монастыря Лемвиотиссы мы узнаем о вооруженной борьбе крестьян против монастыря, об отставании ими своих прав и земель. Русские византилисты (А. Ф. Вишнякова, И. И. Соколов, Б. Т. Горянов) не один раз указывали, что именно монастыри в первую очередь экспроприировали мелких собственников.

И Н. Бэйнс, и А. Грегуар, и авторы других статей утверждают, что византийское искусство и литература были церковными по своему характеру— и в то же время они совершенно игнорируют многочисленные памятники светского и антицерковного характера: С другой стороны, в статьях о литературе и искусстве постоянно выдвигается тезис о том, что Византия сохранила античное наследие (стр. 221, 225 и др.). Так, Ф. Маршалл рассматривает историю византийской литературы исключительно в ее отношении к античной; поэтому литературное оживление IX в. он объясняет исключительно возрождением интереса к античному наследию (стр. 224). Не приходится говорить о том, что социальные корни идеологических явлений совершенно не интересуют авторов сборника: исходя из своих идеалистических позиций, они рассматривают развитие культуры только в плане филиации идей. В результате этого история византийской литературы превращается в сухое перечисление случайно выбранных имен, сопровождающееся краткими характеристиками, сплошь и рядом ошибочными.

Каким образом освещается в сборнике история славянских народов, и прежде всего русского народа, и их связей с Византийской империей?— Эти разделы, как и следовало ожидать, полны грубых ошибок и сознательных искажений фактов. Совершенно неправильно изображает С. Рэнсимен общественные отношения и хозяйственный строй славян VI в. Анты и склаввины не были „кочевыми скотоводами“ (стр. 338), но, как показывают письменные источники и археологические памятники, тщательно изученные в работах советских археологов, — перешли уже в это время к оседлому земледелию. Глубоко порочным является рассуждение С. Рэнсимена о „демократической природе славянина“, которая якобы препятствует славянам объединяться и самим создавать государства: С. Рэнсимен пытается ссылаками на особую „природу“ славян „обосновать“ чисто клеветническое утверждение о том, что славяне якобы

¹ Д. Ангелов. История на Византия, ч. II, София, 1948, стр. 122.

вынуждены были ждать внешнего стимула для создания государственных объединений (стр. 340) и что славянские государства были основаны не славянами, но франками, болгарами или шведскими авантюристами (стр. 355 и др.).

Антинаучная норманистская теория, которую развивает С. Рэнсимен, безапелляционно поддерживается и в других статьях (Мейендорф и Н. Бэйнз, стр. 369), авторы которых совершенно игнорируют ту критику норманистской теории, которая на огромном фактическом материале письменных и археологических памятников была дана в трудах советских историков (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и многие другие). Все эти рассуждения о невозможности для славян самостоятельно создать государственные объединения не имеют ничего общего с наукой: все они продиктованы определенными политическими мотивами. Авторы сборника стараются принизить роль славян и особенно роль России в истории средневековья, объявить славян народом, по „природе“ своей предназначенным к повиновению, и т. д. Тесно связано с этим стремление буржуазных историков, участвующих в сборнике, принизить русскую культуру и вывести ее целиком из Византии (стр. 372 и сл.).

Таким образом, история славяно-византийских и русско-византийских отношений в сборнике полностью фальсифицирована, при этом авторы сборника, не говоря ничего нового, лишь повторяют старые измышления Г. Вернадского и других, — измышления, которые были подвергнуты не раз суровой научной критике на страницах советской исторической печати.

В сборнике нередко встречаются фактические ошибки, несмотря на то, что авторы его излагают в основном общеизвестные факты и занимаются преимущественно теоретическими рассуждениями. А. Грегуар (стр. 113) поместил патриарха Сергия II в начало X в. Ф. Маршалл не только дает совершенно неправильную оценку значения Льва Диакона, не учитывая труда М. Я. Сюзюмова¹, но и совершает чисто фактическую ошибку, утверждая, будто бы „История“ Льва Диакона доходит только до 975 г. (стр. 231). Р. Докинс выводит слово *defendebat* из латинского *defendere*, обнаруживает этим незнание работы П. А. Яковенко, показавшего, что значение греческого термина было совсем иным (стр. 267)². Совершенно произвольна трактовка А. Грегуаром правления Михаила Пьяницы как блестящего периода (стр. 117)³. Многие вопросы освещаются с удивительной неполнотой, — например, вопрос о восстании зилотов.

Подводя итоги, можно сказать, что сборник „Византия“ отражает крайний упадок и глубокую реакционность современного американского и западноевропейского буржуазного византиноведения. Сведение исторического процесса к политической истории и к истории идей, выпячивание на первый план в истории Византийской империи роли церкви, идеализация византийского государства, отрицание коренных перемен в структуре византийского общества и подчеркивание сохранения римских традиций, игнорирование классовой борьбы, классового характера государства, отрицание революционного перехода от антич-

¹ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. „Византийское обозрение“, II, М., 1916.

² П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, стр. 35 и сл.

³ См. подробную критику этих воззрений А. Грегуара, проводившихся в его предыдущих работах, у М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению, „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 232.

ности к средневековью, — таковы наиболее существенные методологические пороки сборника. Особо следует отметить подчеркнуто пренебрежительное отношение к истории славян и к славянской культуре, отрицание ее самобытности, — тенденция, с головой выдающая политический облик современных буржуазных византинистов.

В целом сборник „Византия“ показывает, что современное буржуазное византиноведение, открыто ставшее на службу американо-английским империалистам, как и вся буржуазная историческая наука, переживает глубочайший кризис.

А. П. Каздан

ВОПРОСЫ ПАВЛИКИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

За последнее пятнадцатилетие на Западе появилось несколько работ, посвященных вопросам павликианского движения. Некоторые из них принадлежат бельгийскому реакционному историку А. Грегуару¹. Вслед за его статьями была опубликована книга английского византолога С. Рэнсимена о средневековом манихействе², в которой имеется специальная глава о павликианском движении.

Остановимся прежде всего на работах А. Грегуара, оказавших значительное влияние на последующих буржуазных исследователей павликианства. Эти работы являются ярким показателем глубокого упадка современного буржуазного византиноведения.

Первые две статьи А. Грегуара о павликианском движении представляют собой доклады, прочитанные в Бельгийской академии наук, третья — краткую заметку в журнале „Byzantion“, четвертая — заметку в сборнике, посвященном Г. Шлюмберже. Все эти работы А. Грегуара носят сугубо источниковедческий характер: свою задачу автор ограничил только формальным рассмотрением источников, относящихся к истории павликианского движения. О концепции павликианства можно составить себе представление лишь по некоторым его полемическим замечаниям. Однако и в плане чисто источниковедческого анализа названные статьи и заметки А. Грегуара оставляют самое безотрадное впечатление, знаменуя крупный шаг назад по сравнению даже с тем, что было сделано буржуазными византинистами многие десятилетия назад.

Отметив в вводном параграфе первой статьи связи павликиан с маркионитами и указав, что „credo“ и „динамизм“ (?! — Е. Л.) павликиан находят свое продолжение у богомилов, вальденсов, альбигойцев, Грегуар начинает свою статью со следующего утверждения: вопрос о павликианах разработан значительно хуже, чем о названных им других еретических движениях. Вину за эту слабую разработку истории павликианского движения А. Грегуар полностью возлагает на английского византиниста Бьюри, переиздавшего в конце XIX — начале XX вв

¹ H. Grégoire. Sources de l'histoire des pauliciens; ег о же. Sur l'origine des pauliciens, „Bulletin de la classe des lettres de l'Académie royale de Belgique“, 1936, p. 98—114, 224—226; ег о же. Autour des pauliciens, „Byzantion“ XI, 1936, p. 610—614; Pour l'histoire des églises pauliciennes, „Orientalia Christiania periodica“, 1947, t. XIII, p. 509—514.

² S. Runciman. The medieval Manichee, Cambridge, 1947.